

Г.И. Матвеева

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ПЛЕМЕН ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Именьковская культура - одна из самых ярких и самобытных культур Среднего Поволжья. Она простирается от среднего течения р. Суры на западе до р. Белой на востоке, от правобережья Камы на севере до устья р. Самары на юге.

Необычные для Средневожского региона могильники с безурно-выми трупосожжениями, полуземлянки и длинные дома каркасно-столбовой конструкции, плоскодонная посуда, делящаяся по характеру обработки поверхности на грубую бугристую и чернолощеную, наконец, знакомство с пашенным земледелием и высоко развитой металлургией и металлообработкой - все это отличало именьковскую культуру от более ранних и синхронных финно-угорских культур Поволжья и Приуралья. Именно поэтому все исследователи придерживались мнения о ее пришлоом характере.

Первый исследователь именьковской культуры Н.Ф. Калинин считал, что она была создана финно-угорскими позднегородецкими племенами, переселившимися с правого берега р. Волги на ее левобережье (Калинин, Халиков, 1954). После открытия и исследования Рождественского могильника, в котором безраздельно господствовал обряд трупосожжения, В.Ф. Генинг выдвинул гипотезу о сибирском происхождении и тюрской этнической принадлежности именьковской культуры (Генинг, 1959). Позднее П.Д. Степанов пытался связать ее с угро-мадьярами, переселившимися из Сибири в Приуралье и в Среднее Поволжье (Степанов, 1964). Однако, его гипотеза не нашла поддержки других исследователей. А.П. Смирнов, разделивший точку зрения Н.Ф. Калинина о финно-угорской позднегородецкой атрибуции именьковских племен, пытался объяснить появление у них обряда трупосожжения проникновением в Среднее Поволжье славянского населения во-лынцевской культуры с левобережья Днепра (Смирнов, 1971).

В 1981 г. автором данной статьи была предложена гипотеза о зарубинецких истоках именьковской культуры (Матвеева, 1981), а позднее о ее славянской этнической принадлежности (Матвеева, 1988). Эта точка зрения была поддержана и развита В.В. Седовым (Седов, 1994). А.Х. Халиков разделил точку зрения о связи именьковской культуры с зарубинецкой, но считал ее балтской (Халиков, 1988).

В настоящее время, когда источниковая база значительно выросла, стало ясно, что процесс формирования именьковской культуры был довольно сложным. Проникновение западного населения в Поволжье

началось, видимо, сразу после распада зарубинецкой культуры в середине или конце I в. н.э. Керамика поздnezарубинецких племен обнаружена на Алексеевском городище в окрестностях Саратова и на одноименном городище близ Хвалынского.

Кроме поздnezарубинецких племен в Среднее Поволжье переселились небольшие группы пшеворского населения: в Сергиевском районе Самарской области исследовано Славкинское I селище, материалы которого сближают его с пшеворским поселением Подберезцы в Верхнем Поднепровье (Матвеева, 1986).

Славкинское I селище, видимо, как и поселение Подберезцы (Козак, 1985) датируется II-III вв. н.э. К IV в. относится городище Лбище, исследованное на Самарской Луке в Ставропольском районе Самарской области (Матвеева, 1988). Материалы этого городища находят аналогии в памятниках поздnezарубинецкой, пшеворской и черняховской культур, поэтому западное происхождение обитателей городища Лбища не вызывает сомнения у исследователей. В последние годы Д.А. Стащенко на северо-востоке Самарской области исследовано несколько поселений, керамические комплексы которых находят аналогии в керамике киевской культуры (Кочкина, Стащенко, 2002). Анализ полученных в результате этих исследований материалов свидетельствует, что в Среднее Поволжье в II-IV вв. проникали небольшие разрозненные группы западного населения. Лишь в период гуннского нашествия в конце IV в. в регион хлынула новая мощная волна западных племен, которые вместе с потомками раннее переселившегося с запада населения приняли участие в формировании именьковской культуры. По вопросу об этнокультурной атрибуции переселенцев второй волны у исследователей нет единого мнения. В.В. Седов считает, что это были племена черняховской культуры, главным образом из западной части ее ареала, из междуречья Верхнего Днестра и Южного Буга (Седов, 1994). По мнению автора данной статьи, основную массу переселившегося в Среднее Поволжье населения составляли племена пшеворской культуры.

В первой пол. I тыс. н.э. лесостепное Поволжье (территория современного Татарстана, Ульяновской области и севера Самарской области) была слабо заселена, т.к. финно-угорские племена ананьинской культуры покинули его уже на рубеже VI-V вв. до н.э., поэтому пришедшее с запада население беспрепятственно занимало свободные земли. Есть основание считать, что среди пришельцев преобладали славяне. Об этом свидетельствует погребальный обряд именьковской культуры: как и у всех славянских племен у них доминировал обряд трупосожжения, причем остатки костей, собранные на погребальном костре ссыпали не в урну, а непосредственно на дно могильной ямы. Подобные захоронения в пшеворской культуре, по мнению В.В. Седова, принадлежали славянам

в отличие от урновых, оставленных германцами (Седов, 1979). Для всех славянских погребений I тыс. н.э. характерна бедность погребального инвентаря, что отличает их от погребений балтских и финно-угорских племен, содержащих большое количество вещей. В именинской культуре почти нет этноопределяющих женских украшений, что также характерно для всех славянских племен ранее VIII в. (Нидерле, 2000).

Славянская принадлежность именинской культуры подтверждается данными лингвистики. В.В. Напольских выявил в пермских языках ряд славянских лексических заимствований первой пол. и середины I тыс. н.э., что дало ему основание полагать, что в это время в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье обитало население, говорившее на диалектах праславянского языка (Напольских, 1996). По-видимому, с этим населением связано распространение в Поволжском регионе пашенного земледелия с рожью в качестве озимой культуры. Этим населением могли быть только племена именинской культуры, т.к. пашенное земледелие они освоили еще до прихода в Поволжье. Видимо, славянами были и предшественники именинских племен - обитатели Славкинского I селища, городища Лбище и других поселений, керамика которых находит аналогии на западе, среди культур полей погребений.

Славянские племена, переселившиеся в Среднее Поволжье, оказались в окружении иноэтничного населения, взаимоотношения с которым складывались по-разному. В какой-то степени выяснение характера и направления контактов именинских племен помогают в поисках исходных районов миграции их предков.

Анализ материала городища Лбище как будто указывает на юго-западные и западные связи его обитателей. Во-первых, на нем найдены фрагменты серо-глиняных сосудов с лощением, напоминающих керамику черняховской культуры. Во-вторых, некоторые типы горшков и мисок находят довольно близкие аналогии в керамических комплексах той же культуры. В-третьих, некоторые вещи, скорее всего, имеют черняховское происхождение. Это двучленная прогнутая подвязная фибула (рис.1, 6), бронзовая подвеска в виде сдвоенных ведерок (рис.1,5), железное кресало (рис.1, 8), бронзовая пряжка овальной формы с утолщением в передней части и язычком с клювовидно загнутым кольцом и квадратным выступом у основания (рис.1, 10).

В материалах городища Лбища прослеживаются также связи с сарматскими племенами. Найден кувшинообразный сосуд с зооморфными налестками на ручке (рис.1, 1), а также ручка от другого аналогичного сосуда. Аналогичные сосуды с зооморфными ручками часто встречаются в позднесарматских могильниках. С сарматскими могут быть сопоставлены некоторые горшки с цилиндрической или расширенной квер-

ху шейкой, раздутым туловом и плоским дном (рис.1, 2). Найдено типично сарматское пряслице конической формы (рис.1, 9).

Миски с утолщенным скошенным наружу венчиком (рис.1, 4) имеют сходство с мисками Чертовицкого могильника на Дону (Медведев, Пряхин, 1983).

Таким образом, ряд находок с городища Лбища свидетельствует о связях его обитателей с племенами черняховской культуры Среднего Дона и с сарматами.

В памятниках лбищенского этапа и развитой именьковской культуры встречаются вещи центральноевропейского происхождения. Например, на городище Лбище найден бронзовый браслет с расширенными концами (рис.1, 7). Аналогичные браслеты были широко распространены в памятниках добродзеньской группы, распространенных в IV-VI вв. н.э. в междуречье Одры и Варты на территории современной Польши (Кухаренко, 1969, т. LII, 11). Подобный браслет найден на памятнике киевской культуры Ульяновка 1 (Терпиловский, 1984).

В памятниках развитой именьковской культуры (городища: Ош-Пандо, Старо-Майнское, могильники: Коминтерновский, Маклашеевский IV) найдены крупные железные пряжки удлиненно овальной формы (рис. 2, 1), находящие аналогии в памятниках той же добродзеньской группы и на поселениях киевской культуры: Роище, Ульяновка I (Терпиловский, 1984). Многочисленные железные секировидные топоры, происходящие со Щербетского I островного поселения и из некоторых других памятников именьковской культур, по мнению Л.С. Розановой, находят аналогии только в Скандинавии (территория Норвегии) и Чехии, в памятниках I тыс. н.э. (Терехова, Розанова, Завьялов, Толмачева, 1997. С. 149).

Анализ материалов именьковских памятников восточной Мордовии, Ульяновской и Самарской областей показал наличие тесных связей именьковского населения с племенами среднего течения р. Оки. Например, на городище Ош-Пандо в Мордовии найдены подвески конической формы с петельками для подвешивания (Степанов, 1967). Аналогичные подвески широко представлены в Борковском и Кузьминском могильниках (Спицын, 1901, XVIII, 8, т. XIX, 4). На том же городище Ош-Пандо и на Кармалинском городище на Самарской Луке обнаружены серповидные шейные гривны, встречающиеся в Борковском и Кузьминском могильниках (Спицын, 1901, т. XVIII, 1).

Особенно много вещей, находящих аналогии в рязано-окских могильниках, найдено на Старомайнском городище в Ульяновской области. Среди них серебряный перстень с петельками для прикрепления подвесок (рис.2, 2), подобный перстням из Борковского и Кузьминского могильников (Спицын, 1901, т. XIX, 1, 3). В этих же могильниках

есть перстни, близкие двум другим перстням со Старомайнского городища (рис.2, 3-4). Особенно показательна находка на Старомайском городище крестовидной фибулы (рис.2, 6). Подобные фибулы получили название рязано-окских, т.к. встречаются только в среднем течении Оки. А.К. Амброз датировал их V- началом VI вв. и считал, что их прототипами были двупластинчатые фибулы черняховской культуры (Амброз, 1966, с.76).

Столь тесные связи племен именьковской культуры с населением, оставившим рязано-окские могильники, видимо объясняются тем, что предки именьковцев в конце IV в. шли в Среднее Поволжье по р. Оке, при этом какая-то часть переселенцев осела на финно-угорских поселениях Средней Оки. Именно в это время в рязано-окских могильниках появляются погребения с трупосожжениями, обряд которых очень близок к именьковскому погребальному обряду, на поселениях и в могильниках начинает встречаться чернополосчатая керамика, двупластинчатые и прогнутые подвязные фибулы, которые были широко распространены в черняховской культуре. В.В. Седов считает, что в Рязанском Поочье осело черняховское население, среди которого были славяне (Седов, 1994, с.308). Именьковские племена поддерживали контакты не только с ними, но и с жившим по соседству финно-угорским населением.

Иначе складывались отношения именьковских племен с населением мазунинской культуры, которое после их прихода в V в. покинуло территорию Среднего Прикамья и переселилось в Бельско-Уфимское междуречье, где на основе мазунинской культуры сформировалась новая бахмутинская культура. П.Н. Старостин отмечал, что отношения именьковцев с северными соседями носили далеко не мирный характер, и именно поэтому в Предкамье была создана система городищ с мощными оборонительными сооружениями (Старостин, 1967, с.10).

Следует отметить, что вещи мазунинского происхождения крайне редки на памятниках именьковской культуры. Можно назвать лишь полую фигурку медведя со Щербетского островного I селища (рис.2, 8) и фигурки коньков из Рождественского (Старостин, 1967, с.81, таб.17,11,12) и Коминтерновского (Казаков, 1998, с.121, рис.9,12) могильников, а также выпуклую бляху из раковины, найденную в Коминтерновском могильнике (Казаков, 1998, с.121, рис.9,17).

Именьковские племена продвинулись далеко на восток: их поселения известны не только на территории Удмуртии (Кузбаевское, Старо-Игринское городище), но и на территории центральной Башкирии в Среднем течении Белой (городище Уфа II, селища: Кушнаренковское, Ново-Турбаслинское, Романовское II и другие).

В Приуралье ближайшими соседями именьковских племен были племена бахмутинской культуры, однако, говорить об их тесных контактах нет оснований: если бахмутинская керамика иногда встречается на именьковских поселениях, то плоскодонная именьковская посуда на бахмутинских поселениях Бельско-Уфимского междуречья отсутствует.

Пожалуй, самыми тесными были связи именьковских племен с населением, оставившим памятники турбаслинского типа. Уже в погребениях конца IV-начала V вв. в самом раннем из турбаслинских могильников - Дежневском встречаются плоскодонные именьковские сосуды. Турбаслинские племена, оказавшись в лесостепи, начали оседать на именьковских поселениях (городище Уфа II, селища Кушнаренокское, Ново-Турбаслинское). Они жили в типично именьковских полуземлянках, пользовались в быту плоскодонной именьковской посудой, но сохранили свой погребальный обряд, передав его именьковскому населению среднего течения р. Белой.

На расположенном рядом с Кушнаренокским селищем одноименном могильнике два погребения - типично именьковские трупосожжения, остальные - трупоположения, часть которых находятся в могилах с заплечиками и подбоями в изголовье, характерными для турбаслинских могильников (Генинг, 1977). Погребальный инвентарь Кушнаренокского могильника богат и разнообразен, он включает много вещей, не характерных для именьковской культуры, но типичных для турбаслинских погребений, например, поясные наборы, состоящие из накладок и пряжек геральдического стиля. Такое смешение именьковских и турбалинских племен видимо, объясняется тем, что они контактировали еще до прихода в Приуралье. Зоной их контактов мог быть ареал черняховской культуры, которая, как известно, была полиэтничной, т.к. ее создателями были различные по языку и происхождению племена: сарматы, готы, славяне и фракийцы. Турбаслинские племена, по мнению большинства исследователей, были потомками ираноязычных сарматов, а именьковцы, как уже отмечалось, славянами.

В середине VI в. в Южное Приуралье из Зауралья переселились кушнаренокские племена. Они распространились на территории, занятой бахмутинцами, турбаслинцами, приуральскими именьковцами, однако связи пришлого и местного населения были, видимо, не слишком тесными: кушнаренокские сосуды редко встречаются в могильниках других культур, они обнаружены только в семи погребениях Бирского могильника, в одном погребении Кушнаренокского и в одном погребении Ново-Турбаслинского могильников. Однако, кушнаренокская керамика иногда присутствует на именьковских поселениях не только в Приуралье, но и в Среднем Поволжье, например на Щербетском I

селище (Старостин, 1967, т.26,4) и на Карлинском I селище (Сташенков, 1996, с.117-118).

Нельзя не отметить связи именьковских племен с весьма отдаленными областями, например, с Ираном. По Великому Волжскому пути иранские купцы достигали не только среднего течения р. Волги, но и Прикамья. Об этом свидетельствуют находки серебряных сасанидских монет-драхм на памятниках именьковской культуры. Одна такая монета найдена на Именьковском городище, две в хозяйственной яме на Троицко-Урайском городище, семь монет происходят из денежно-вещного клада, обнаруженного в хозяйственной яме Кармалинского городища на Самарской Луке. Одна из монет Троицкого-Урайского городища относится ко времени правления Пероза (457-483 гг.), вторая к периоду первого правления Кавада (488-497) (Старостин П.Н., 1977, с. 37). Три из семи найденных на Кармалинском городище монет отчеканены в 519, 524 и 527 гг. в период правления Кавада, четыре в период второго правления Хосрова I в 538, 541, 545 гг. (Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991).

Таким образом, именьковцы поддерживали наиболее тесные связи с племенами, принадлежащими к индоевропейской языковой семье, менее тесными были связи с финно-угорским населением, тем не менее племена именьковской культуры сыграли огромную роль в развитии экономики и культуры раннесредневекового населения Поволжья и Приуралья, т.к. способствовали распространению пашенного земледелия и высоко развитой черной металлургии и металлообработки.

Список литературы:

- Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // *Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.*
- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР I в. до н.э. — IV в. н.э. // *Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М., 1966.*
- Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // *Труды Казанского филиала АН СССР, вып.2. Казань, 1959.*
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв н.э.) // *Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.*
- Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.*
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ 1945-1952 годов // *Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1954.*
- Козак Д.Н. Поселение пшеворской культуры в с. Подберезцы Львовской области // *СА, 1985. № 1.*
- 1 - селище; 2 - селище; 3 - селище; 4 - селище; 5 - селище; 6 - селище; 7 - селище; 8 - кресало; 9 - пряслице; 10 - пряжка

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Археологический комплекс на горе Маяк // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы II Халиковских чтений. Казань, 2002.

Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986.

Матвеева Г.И. К вопросу об этнической принадлежности именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Тезисы докладов. М., 1988.

Матвеева Г.И. Памятники Лбищенского типа - ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийский степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Матвеева Г.И., Морозов В.Ю. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.

Медведев А.И., Пряхин А.Д. I Чертовичский могильник (по раскопкам 1978 г.) // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н.э. Воронеж, 1983.

Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. т. II. Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Смирнов А.П. Из этнической истории Западного Приуралья // Археология и этнография Башкирии, т. IV. Уфа, 1971.

Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. № 25. СПб., 1901.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // Свод археологических источников. Вып. Д 1-32, М., 1967.

Старостин П.Д. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 году // Древности Волого-Камья. Казань, 1977.

Сташенков Д.А. О восточных элементах в именьковской культуре / XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть II. Уфа., 1996.

Степанов П.Д. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии, т. II. Уфа, 1964.

Степанов П.Д. Ош-Пандо. Саранск, 1967.

Халиков А.Х. К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.

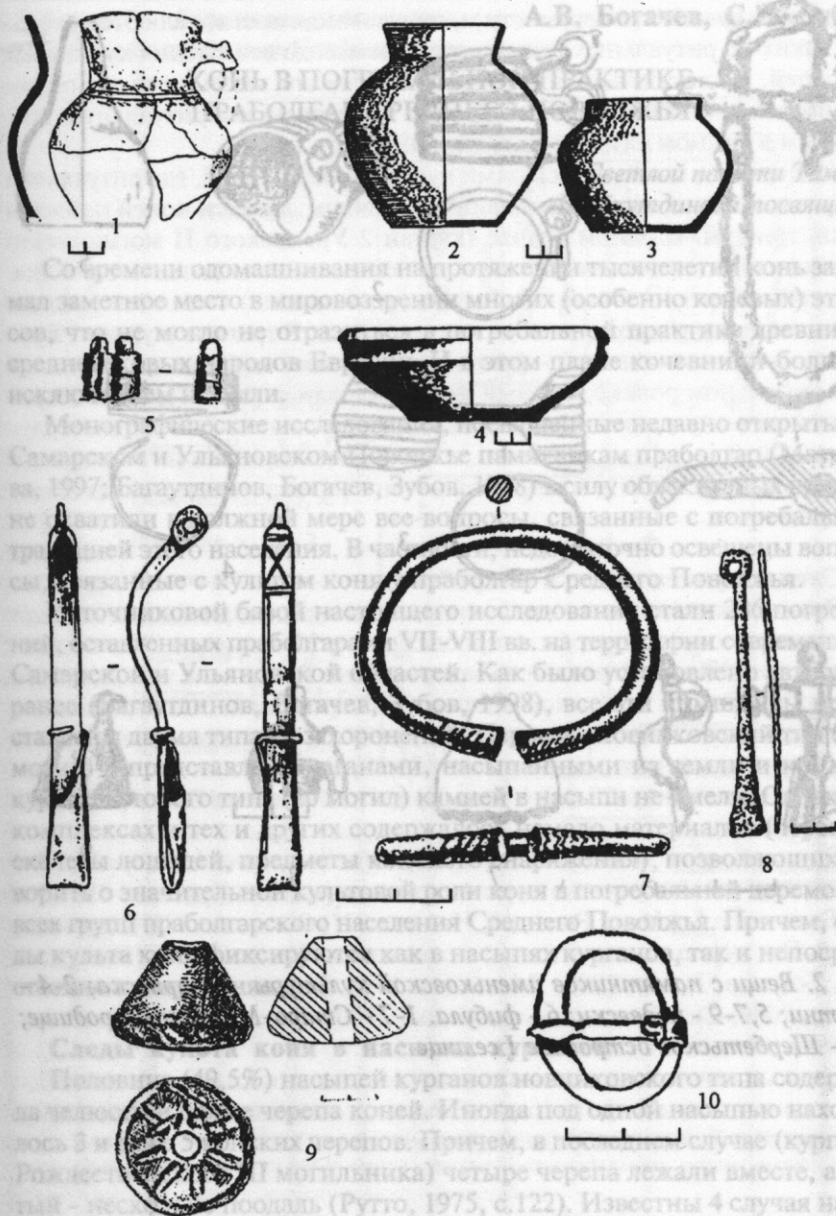

Рис. 1. Находки с городища Лбшице. 1-4 - сосуды; 5 - подвеска; 6 - фибула; 7 - браслет; 8 - кресало; 9 - пряслице; 10 - пряжка

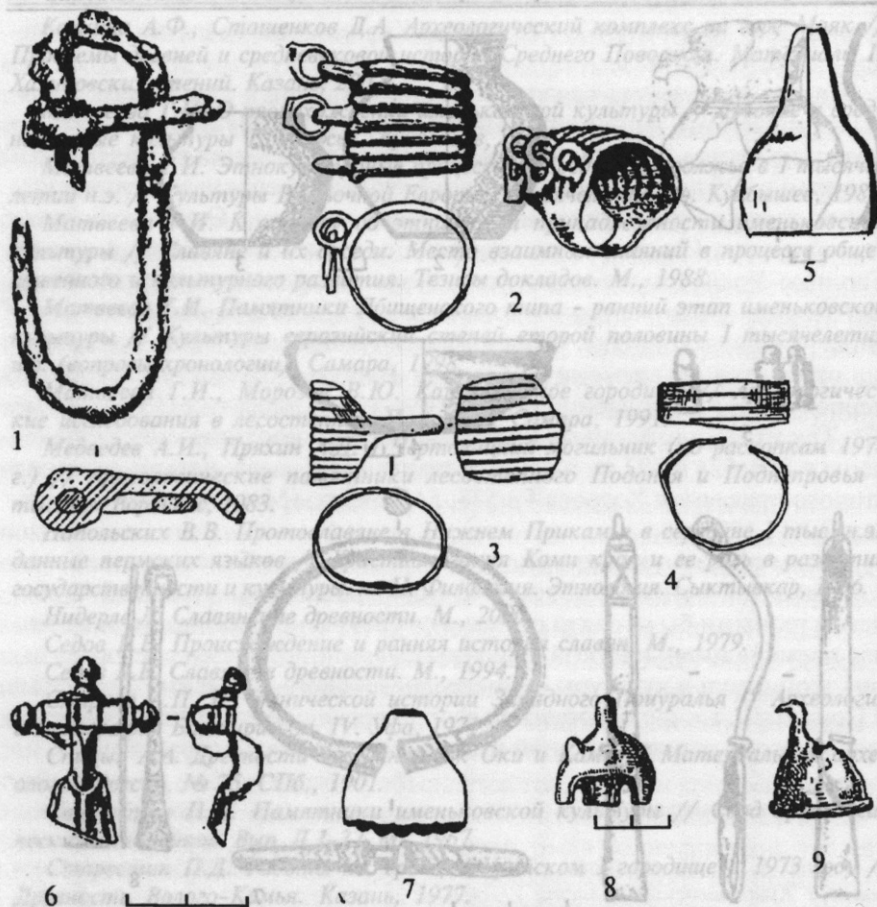

Рис. 2. Вещи с памятников именковской культуры. 1 - пряжка; 2-4 - перстни; 5, 7-9 - подвески; 6 - фибула. 1-7 - Старо-Майнское городище; 8-9 - Щербетское островное I селище